

Новые периодические издания «Время», журнал политический и литературный, № 1

Из новых периодических изданий, которые должны были возникнуть с начала нынешнего года, особенное ожидание возбуждалось тремя: «Русскою речью», «Веком» и «Временем». «Век» и «Русская речь» — еженедельные газеты; чтобы оценить их надлежащим образом, надобно подождать, пока дадут они по несколько номеров, судить о них теперь было бы слишком опрометчиво. <...>

Но о «Времени» можем сказать мы уже и теперь, что это издание заслуживает внимания публики. Толстая книга журнала, выходящего раз в месяц, представляет столько материала, что по одному номеру нового журнала не трудно бывает определить его направление и количество сил, каким он располагает для исполнения своей задачи. «Время» ставит одним из главных своих достоинств — независимость от литературного кумовства, дающую ему простор прямо и резко высказывать свои мнения о других периодических изданиях и тех писателях, откровенно рассуждать о которых часто стеснялись другие журналы. Нельзя не сознаться, что у каждого из старых журналов, пользующихся хорошою репутациею, действительно образовались самую силою времени тесные отношения к тем или другим писателям, так что новый журнал не совсем несправедливо присваивает себе в этом случае преимущество. Но мы надеемся доказать «Времени» эту статью, что и для нас литературное кумовство не имеет особенной драгоценности и уже никак не мешает нам хвалить то, что заслуживает похвалы, — не мешать нам ставить прямодушную правду выше всяких авторитетов <...>

Мы заговорились о первом отделе журнала, между тем как вовсе не думали останавливаться на нем, начав нашу статью с намерением обратить внимание только на второй отдел книжки, только на статьи, собственно так называемые журнальные: критические, библиографические и т.д. Преимущественно ими определяется направление журнала, — и, судя по всему, преимущественно ими должно держаться «Время». В первой книжке оно выдерживает свою программу: тут полная независимость от всех прежних литературных кружков, одинаковая прямота мнений о всех и обо всем. В числе других порядком достается и нам; если бы была у нас склонность претендовать, когда кто судит о нас так же резко, как мы часто судим о других, мы могли бы обидеться (как, без всякого сомнения, уже обиделись многие иные). Но это обстоятельство несколько не уменьшает нашей склонности поддержать «Время» на том пути прямых и смелых суждений, которым думает оно идти <...>

Впрочем, это все еще нейдет к делу, — а дело наше в том, чтобы несколько познакомить читателей с направлением «Времени». Достигнуть этой цели можно бы двумя способами; во-первых, можно было бы пересмотреть все содержание второго отдела книжки, коснуться всех главных мыслей, развиваемых в нем; но это было бы слишком длинно. Лучше будет взять в пример один вопрос, по взгляду на который легко будет отгадать характер «Времени». Мы берем для этой пробы понятие о так называемой гласности, которую вернее было бы назвать косноязычностью. Всеми свету известно, что с русской гласностью, несмотря на юность и невинность этой скромной институтки, а может быть именно по причине ее чрезмерной стыдливости, произошло немало неприличных историй, конфузующих

бедняжку до слез. До сих пор ее все еще экзаменуют и находят — не то, что она мало знает и почти ничего не говорит, нет, находят, что она держит себя непристойно и ставят ей дурные баллы за поведение. В образованных странах такого обращения с девицами не допускают нравы, — да и гласность там уже не девица, стыдящаяся всего на свете, робеющая каждого упрека, а очень бойкая дама, которая не даст спуску никому. Там все ее хвалят, потому что она сживает с белого света того, кто вздумал бы хоть заикнуться против нее. У нас не то: всякий норовит обидеть бедную девушку; и сплетница-то она, и нахалка-то она, и скандалезница-то она, — чуть кто посильнее, прямо зажимает ей рот, да еще дает пощечины (это считается хорошим средством примирить с собою, заставить полюбить себя); а кому не доставалась привилегия раздавать по своему усмотрению пинки и зажимать рот неприятному для него существу, тот, по крайней мере, подбивает других на это криками о том, что гласность зазорно держит себя, что надобно обуздать эту гадкую девчонку. Добро бы держали себя так стантовые и частные приставы, которым, точно, достается иногда от гласности и, надобно сказать, достается с нарушением всякой справедливости, как будто они — уж и в самом деле бог знает как виноваты в наших бедах и неурядицах, когда они-то в сущности еще гораздо невиннее многих. Нет, позорят и подводят под сюркуп нашу жалкую, колотимую всяким встречным и поперечным гласность сами журналисты, которым, по-видимому, следовало бы защищать ее. В общих фразах они действительно превозносят ее; но чуть только явится в печати что-нибудь неприятное какому-нибудь журналисту, он тотчас же начинает толковать о злоупотреблении гласности, о том, что она вышла в этом случае за

пределы, в которых бывает полезна и может быть терпима, словом сказать, начинает рассуждать тоном людей, враждебных гласности, и дает им в руки оружие против нее: «вот посмотрите (говорят после таких статей враги гласности), сами писатели находят, что литература слишком своевольничает». <...> «Время» справедливо находит, что разоблачать перед публикою общие черты наших общественных недостатков литература не может, если не станет указывать на частные факты, которыми обнаруживаются общие недостатки; а касаясь частных фактов, она по необходимости должна выставлять и лица, в них участвующие; что с каждым делом неразлучны некоторые случайные ошибки; но что неприлично благородному человеку или рассудительному изданию делать возгласы против самого дела по неудовольствию на мелкие частности его; что если бы когда и подвергалось неосновательному порицанию лицо, бывшее правым, то сама литература не замедлила бы показать факт в истинном виде и дать несправедливо оскорбленному кем-нибудь полнейшее удовлетворение и т. д. Этот благородный и справедливый взгляд проведен через всю собственно журнальную часть первого номера «Времени» с последовательностью, которой не слишком много примеров представляют наши издания и которая тем больше чести приносит новому журналу.

Сколько мы можем судить по первому номеру, «Время» расходится с «Современником» в понятиях о многих из числа тех вопросов, по которым может быть разница мнений в хорошей части общества. Если мы не ошибаемся, «Время» так же мало намерено быть сколком с «Современника», как и с «Русского вестника». Стало быть, наш отзыв о нем не продиктован

пристрастием. Мы желаем ему успеха потому, что всегда с радостью приветствовали появление каждого нового журнала, который обещал быть представителем честного и независимого мнения, как бы ни различествовало оно от нашего образа мыслей <...>

*Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.
Т. 7. С. 949—952, 955—956.*